

УКРАИНСКИЙ ГОГОЛЬ

Инга Видугирите

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Заявленная в заглавии тема¹, будучи обязательным элементом всех биографических исследований о Гоголе, несомненно, причастна и к изучению гоголевского творчества. Затронутая уже первыми биографами писателя в XIX веке², она получила новый импульс в начале века XX, когда появились первые исследования о традициях украинской культуры в творчестве Гоголя³, которые были учтены в наиболее авторитетном труде русской школы гоголеведения первой половины XX века – в книге Василия Гиппиуса *Гоголь*⁴.

¹ Тема «Российский Гоголь» не менее правомерна и плодотворна. Выбор украинского аспекта определен научными интересами автора статьи.

² Николай М. [П. А. Кулиш], *Опыт биографии Н. В. Гоголя*, Санкт-Петербург: Праца, 1854; В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя в 4 томах*, Москва: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892 – 1898.

³ В. Н. Перетц, «Гоголь и малорусская литературная традиция», *Н. В. Гоголь: Речи, посвященные его памяти...* Санкт-Петербург, 1902; А. А. Розов, «Традиционные типы малорусского театра XVII – XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя», *Памяти Гоголя*, Киев, 1909.

⁴ В. Гиппиус, *Н. В. Гоголь*, Санкт-Петербург: Logos, 1994.

Параллельно русской школе развивалась украинская, основы которой были заложены славистом Дмитро Чижевським, включившим творчество Гоголя в историю украинской литературы и показавшим зависимость писателя от национальной барочной традиции⁵. Данная точка зрения стала опорной для новой волны исследований в последнее десятилетие XX столетия⁶. Следует отметить, что тематика

⁵ См.: Дмитро Чижевський, *Історія Української Літератури*, Нью-Йорк: Українська Вільна Академія у США, 1956, 389–390.

⁶ Ю. Я. Барабаш, «Гоголь и украинская барочная проповедь», *Известия РАН*, Сер. лит. и языка, т. 51, 1992, № 3; Его же, «Почва и судьба: О языковой дихотомии у Гоголя», *Известия РАН*, Сер. лит. и языка, т. 52, 1993, № 5; Его же, «Г. С. Сковорода и Н. В. Гоголь: (К вопросу о гоголевском барокко)», *Известия РАН*, Сер. лит. и языка, т. 53, 1994, № 5; А. Е. Дмитриева, «Гоголь и Украина: (к проблеме взаимосвязи русской и украинской культур)», *Известия РАН*, Сер. лит. и языка, т. 53, 1994, № 8; Ю. Барабаш, *Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков*, Москва 1995, 101–222; Павел Михед, «Українсько-російські літературні зв'язки кінця XVIII - першої половини XIX ст. і творчість М. В. Гоголя», *Микола Гоголь і світова культура*, Київ - Ніжин, 1994; его же, «Гоголь на путях

постепенно расширилась – элементы украинского барокко в творчестве Гоголя вывели к постановке вопроса о его связях с европейским барокко в целом⁷. Особого внимания удостоился итальянский период жизни Гоголя, его привязанность к маньеризму и барокко в архитектуре и искусстве Рима⁸. Связи с украинской литературой получили новую перспективу в сопоставлении Гоголя с другим крупным украинским писателем той же эпохи, Тарасом Шевченко⁹.

к новой эстетике слова», *Гоголеведческие студии* I, Ніжин, 1996; его же, *Крізь призму бароко*, Киев: Ніка-Центр, 2002; а также многочисленные статьи украинских исследователей в таких научных сборниках, как *Гоголеведческие студии* I, Ніжин, 1996 и след., *Литература та культура Полісся. Вип. 3*, Ніжин: НДПІ, 1992; *вип. 7*, 1996; *вип. 12*, 1999.

⁷ Абрам Терц [Андрей Синявский], *Избранное: В тени Гоголя*, Москва: Аграф, 2001, гл. «География прозы» (первое издание 1975 г.); Е. А. Смирнова, *Поэма Гоголя «Мертвые души»*, Ленинград: Наука, 1987; Gavriel Shapiro, *Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage*, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1993; С. О. Шведова, «Театральная поэтика барокко в художественном пространстве *Вечеров на хуторе близ Диканьки* Н. В. Гоголя», *Гоголевский сборник*, под ред. С. А. Гончарова, Санкт-Петербург: Образование, 1993, 43–52.; Рита Джулиани, «Сюжетные и жанровые особенности “Рима”», *Гоголь и Италия: Материалы Международной конференции «Николай Васильевич Гоголь: между Италией и Россией»*, сост. Михаил Вайскопф, Рита Джулиани, Москва: РГГУ, 2004, 11 – 38.

⁸ См.: Джованна Броджи Беркоф, «Барочными маршрутами повести Н. В. Гоголя “Рим”», *Гоголь и Италия*, 38 – 67; Илья Серман, «Римские письма Гоголя», *там же*, 170 – 182; Рита Джулиани, «*Imago urbis et genius loci* в повести *Рим*», *Гоголевский сборник* 2 (4), под ред. В. Кривоноса, Санкт-Петербург; Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2005, с. 91 — 102.

⁹ Ю. Я. Барабаш, «Случай Хмельницкого: (Шевченко и Гоголь: Фрагмент)», *Вопросы литературы*, 1996, вып. 2; его же, «“Если забуду тебя, Иерусалим...”»: “Родина-чужбина” у Гоголя и Шевченко», *Вопросы литературы*, 1998, вып. 5; его же, «“Лица басурманской национальности” у Гоголя и Шевченко», *Вопросы литературы*, 1999, вып. 3; его

внимания в данном контексте заслуживает спор о национальной принадлежности творчества Гоголя, который завязался между двумя современными исследователями – Виктором Воропаевым¹⁰, представляющим православную и прорусскую точку зрения на феномен Гоголя в русской литературе, и Павлом Михедом¹¹, представителем украинской школы, который настаивает на ответственности украинского субстрата в гоголевском самосознании и творчестве. Наблюдателю со стороны пространство этого спора становится местом наглядного эксперимента, в ходе которого можно проследить реальное наложение двух культур в феномене Гоголя. Одновременно это и уникальная возможность проникнуть в запутанные вопросы национальной (не)идентичности писателя. В этом отношении, диалог-спор двух подходов исключительно интересен.

Предлагаемая вниманию статья исходит из очевидного, на мой взгляд, факта культурной *пограничности* явления Гоголя, которую он сам прекрасно понимал и описал на примере казаков в статье «Взгляд на составление Малороссии»: «Нужно было видеть этого обитателя порогов в полутатарском, полупольском костюме, на котором так резко отпечаталась *погранич-*

же, «Сладкий ужас мщения, или Зло во имя добра?: (Месь как религиозно-этическая проблема у Гоголя и Шевченко)», *Вопросы литературы*, 2001, вып. 3; Юрий Барабаш, «*Коли забуду тебе, Єрусалиме...*»: *Гоголь і Шевченко: Порівняльно-типологічні студії*, Харків, 2001.

¹⁰ В. А. Воропаев, «Гоголь и “русско-украинский вопрос”», *Московский журнал* 1, Москва, 2002, 12 – 15.

¹¹ П. Михед, «“Приватизация” Гоголя? (Возвращаясь к “русско-украинскому вопросу”», *Вопросы литературы*, 2003, май – июнь, 94 – 113.

ность земли» (VIII, 48. Курсив мой. – И.В.)¹². **Материалом** для исследования послужил сборник *Гоголь в воспоминаниях современников*¹³, являющийся наиболее авторитетным источником сведений о личности, характере, взглядах, поведении писателя и не раз послуживший основой как для мифологизации Гоголя, так и для его демифологизации¹⁴. Собранные здесь тексты создавались и публиковались постепенно, иногда ориентировались друг на друга, повторяли какие-то детали, определенные ракурсы видения, возвращали читателя к Гоголю в одной или в другой обстановке, к одним и тем же географическим местам (например, воспоминания о писателе в Риме) и, таким образом, создали в русской культуре своеобразный *гоголевский текст*. Главный субъект / объект этого текста представлен в такой множественности точек зрения, что по своей объемности приближается к образу, создаваемому в театре или кинематографе. **Цель** статьи – анализ этого образа Гоголя в аспекте его национальности. Метод анализа – систематический обзор представленных в *Воспоминаниях* сведений по данному

вопросу и интерпретация этого материала в контексте идей *Ориентализма* Эдварда Саида. Исходное положение Саида состоит в том, что в дискурсе культуры и в процессе культурного обмена участвуют не «истины», а репрезентации. «Существует большое расстояние между ориентализмом и Востоком»¹⁵, – писал исследователь, подчеркивая, что само наличие репрезентации раскрывает внешность позиции ориенталиста к Востоку и в моральном, и в экзистенциальном смысле¹⁶. Цель своего исследования Саид видел в разоблачении репрезентации именно как репрезентации, а не в установлении точности соответствия этой репрезентации реальному Востоку. Из этого следовал и разоблачительный пафос всего анализа. Но вместе с тем, Саид выработал понятия для описания механизма создания национального «другого» средствами дискурса, так как ориентализм – это дискурс, и, в первую очередь, как таковой он должен быть проанализирован¹⁷. Применение понятийного аппарата Саида легло в основу предлагаемой статьи.

В начале XIX века в русской культуре существовал дискурс Украины, превращавший ее в романтический образ южной экзотической страны¹⁸. Положение Гоголя

¹² Тексты Гоголя цитируются по изданию: Н. В. Гоголь, *Полное собрание сочинений в 14 т.*, Москва: Издательство АН СССР, 1937 – 1952. Том указан римскими цифрами, страницы – арабскими.

¹³ *Гоголь в воспоминаниях современников*, Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. Ссылки на это издание приводятся в скобках после цитаты.

¹⁴ Ярким примером последней является: Alexander Zholkovsky, “Rereading Gogol’s Miswritten Book: Notes on Selected Passages from Correspondence with Friends”, *Essays on Gogol. Logos and the Russian Word*, Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1992. Русский вариант работы: «Перечитывая избранные описки Гоголя», А. К. Жолковский, *Блуждающие сны и другие работы*, Москва: Наука, 1994, 70–87.

¹⁵ Edvard W. Said, *Orientalizmas*, iš anglų kalbos vertė V. Davoliūtė, K. Seibutis, Vilnius: Apostrofa, 2006, 48.

¹⁶ См.: *Там же*, 47.

¹⁷ См.: *Там же*, 29. Даже признавая спорность употребления Саидом понятий *репрезентация*, *дискурс* с отсылкой к работам Мишеля Фуко, исследователи признают, что «совершенно понятно, что Саид имел в виду» (см.: Robert J. C. Young, *Postcolonialism: An Historical Introduction*, Oxford: Blackwell Publishers, 2001, 389).

¹⁸ Часть этого дискурса Украины исследует книга: В. И. Мацапура, *Украина в русской литературе первой половины XIX века*, Харьков-Полтава: ПОИППО, 2001.

в отношении этого дискурса двойное. С одной стороны, он явился наиболее влиятельным участником этого дискурса. Исследователи признают, что своими «украинскими» повестями, статьями «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях» в *Арабесках* Гоголь создал миф Украины¹⁹. Пафос *Арабесок* отразился и в его высказываниях начала 1830-х годов. Петр Анненков вспоминал:

В тогдашних беседах его постоянно выражалось одно стремление к оригинальности, к смелым построениям науки и искусства на других основаниях, чем те, которые существуют, к идеалам жизни, созданным с помощью отвлеченной, логической мысли [...] При этом направлении два предмета служили как бы ограничением его мысли и пределом для нее, именно: страстная любовь к песням, думам, умершему прошлому Малороссии, что составляло в нем истинное охранительное начало, и художественный смысл, ненавидевший все резкое, произвольное, необузданно-дикое. Они были, так сказать, умерителями его порывов (259).

Следует подчеркнуть, что в изображении Гоголем Украины срабатывала указанная Саидом «диалектика взаимного поощрения» между писателем и читателями, когда реальный опыт читателей определяется прочитанными текстами, а это, в свою очередь, поощряет писателя братья за темы, которые определены опытом читателей²⁰. Русские читатели гоголевских повестей получали Украину в

таком виде, в каком она была востребована романтическими aspirationами публики. Гиппиус отметил, что Гоголь довольно быстро сориентировался во вкусах читателей и успешно к ним приспособился²¹ (успех Гоголя был определен не новаторством в представлении Малороссии, а силой художественного эффекта²²). Вместе с тем, Гоголь, по-видимому, легко вошел и в повседневный дискурс, воспроизводящий характерный *образ украинца*. Об этом говорит его мимоходом оброненная фраза: «И притом Никитенко, при всем доброжелательстве, малороссиянин и ленив» (110).

Однако существовал и обратный процесс, в силу которого Гоголь сам попадал под воздействие той же самой тенденции образотворчества «другого». *Воспоминания* раскрывают, как, с одной стороны, его облик, манеры, речь, произношение («чтение его, если уже раз ухо ваше попривыкло к малороссийскому напеву», 258) попадали под общие характеристики, а с другой, как все исключительное, особенное в его личности становилось одним из текстов общего дискурса Малороссии. Таким образом, завязывалась сложная система позиций наблюдения, которые, взаимодействуя, творили как *Малороссию*, так и *Гоголя*. Данный аспект наблюдения созвучен мысли Саида о том, что идея репрезентации по сути своей театральна – на сцене появляются персонажи, которые должны репрезентировать создающее их целое²³. На такой «сцене Украины» и показался Гоголь в 1829 году.

¹⁹ См.: Г. Грабович, «Гоголь и миф України», *Соучасність*, 1994, № 9 – 10.

²⁰ См.: Said 2006, 130.

²¹ См.: Гиппиус 1994, 28.

²² См.: *Там же*, 36 – 37.

²³ См.: Said 2006, 94.

Как украинец он был опознан по внешности и антропологическим чертам лица: «Для знакомого немного с физиономиями хохлов – хохол был тут виден сразу. Я сейчас сообразил, что это Гоголь, больше так, чем по какому-либо портрету» (500). «Приземистым и плотным малороссом» (531) показался писателю Ивану Тургеневу в 1841 году, но и через десять лет тот же мемуарист писал: «Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели» (532). Своеобразие украинских черт лица влекло за собой и другие характерные ассоциации: «Н. В. был в душе хлебосол, как всякий истинный малоросс» (410) – вплоть до приписываемых Шевыреву слов перед кончиной писателя: «Упрямым хохлом ты жил, упрямым хохлом и умрешь» (405). Соответствие Гоголя типу «украинца» подкреплялось и его отношением ко всему малороссийскому в русских столицах:

Каким-то таинственным магнитом тянуло их [Гоголя и Осипа Бодянского. – И. В.] тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собою целый вечер, горячо и одушевленно, как Гоголь (при мне по крайней мере) ни разу не говорил с кем-нибудь из великороссов (502).

Такое же душевное расположение имел Гоголь и к другому украинцу, Михаилу Щепкину:

Оба они знали и любили Малороссию и охотно толковали о ней, сидя в дальнем углу гостиной в доме Михаила Семеновича. Они перебирали и обычаи, и одежду малороссиян, и, наконец, их кухню. Прислушиваясь к их разговору, можно было слышать под конец: вареники, голубцы, паленицы – и лица их сияли улыбками (528).

В московском доме Аксаковых, где Гоголя любили и лелеяли, был заведен обычай устраивать «вареники», т. е., согласно Бодянскому,

обед у С. Тим. Аксакова по воскресеньям, где неизменным блюдом были всегда вареники для трех хохлов: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а после обеда, спустя час, другой, песни малороссийские под фортепьяно, распеваемые второй дочерью хозяина, Надеждою Сергеевною, голос которой очень мелодический. Обыкновенно при этом Максимович подпевал (431).

Об одном из таких вечеров Григорий Данилевский рассказывал:

Гоголь остался очень доволен пением молодой хозяйки, просил повторять почти каждую песню и был вообще в отличном расположении духа [...] лично показал, как Селифан высокоделикатными, кучерскими движениями, вывертом плеча и головы, должен дополнять, среди сельских красавиц, свое «заливисто-фистульное» пение (442–443).

Он же делится своими мыслями при известии о том, что Гоголь пригласил к себе певца-малоросса, который должен был у него петь народные украинские песни: «следовательно, думал я, автор “Мертвых душ” не вполне еще стал монахом-аскетом» (436–437). До конца жизни Гоголь выдержал роль истинного украинца и остался предан удовольствиям малороссийской жизни – беседе с земляком, вареникам, песням. В контексте его аскетической жизни в последний период творчества эти вещи составляли, пожалуй, единственный источник радости.

Это предположение подкрепляется и лейтмотивом гоголевского юмора в *Воспо-*

минаниях. Оценка этого свойства характера Гоголя зависит от расположения к нему повествующего лица. Например, И. Тургенев в портрете писателя отметил веселое выражение глаз: «в небольших карих глазах искрилась по временам веселость – именно веселость, а не насмешливость» (532), Аксаков писал о его «неподражаемом малороссийском юморе» (102), другие могли увидеть «хитрую, чумацкую улыбку – не улыбку, этот смех мудреного хохла над целым миром...» (501). В любом случае эта склонность характера получала недвусмысленную связь с национальностью Гоголя: «Вообще в его шутках было очень много оригинальных приемов, выражений, складу и того особенного юмора, который составляет исключительную собственность малороссов; передать их невозможно» (91). Гоголевская веселость имела «украинский стиль», вытекающий из самой тематики: «рассказывал анекдоты, большей частью малороссийские» (424), «был необыкновенно весел всю дорогу и опять смешил меня своими малороссийскими рассказами» (491), «потом говорил Гоголь о Малороссии, о характере малороссиянина и так развеялся, что стал рассказывать анекдоты, один другого забавнее и остроумнее ... Особенно забавен показался мне анекдот о кавказском герое, генерале Вельяминове, верблюде и военном докторе малороссиянине» (477). Очевидно, что украинская анекдотическая традиция могла возобновить в Гоголе его «природную веселость».

Двусмысленность отношения окружающих к способности Гоголя «замечать все смешное» и шутить наглядно отразилась в критическом дискурсе XIX века, отрывки которого также включены в *Воспоминания*. Например, Александр

Герцен в сочувственном тоне описал движение творчества Гоголя от украинской к русской тематике:

Рассказы, которыми дебютировал Гоголь, составляют ряд картин украинских нравов и видов истинной красоты, полных веселости, грации, движения и любви. Такие повести невозможны в Великороссии за неимением сюжета, оригинала. У нас народные сцены сейчас же принимают мрачный и трагический вид [...] скорбь превращается в бешеную злобу и отчаяние, а смех – в горькую и злобную иронию. [...] По мере того, как Гоголь уходил из Украины и близился к средней России, исчезали наивные и прелестные образы (390 – 391, *О развитии революционных идей в России*).

В *Былом и думах* он продолжил мысль об исключительности творчества Гоголя, которое «невольно примиряет смехом: его огромный комический талант берет верх над негодованием» (394), что в контексте *развития революционных идей в России* не обязательно имело положительный смысл. Однако отторжения Гоголя от русской литературы в силу инонародности его таланта у Герцена еще нет. Оно появляется у В. Белинского в частном письме Константину Аксакову (14.06.1840): «он не русский поэт в том смысле, как Пушкин, который выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни, и в раны которого мы можем влагать персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать их» (351), в дальнейшем – у Аполлона Григорьева: «Гоголь явился только меркою наших антипатий и живым органом их законности, поэтом чисто отрицательным; симпатий же наших кровных, племенных, жизненных он олицетворить не мог, во-первых, как малоросс, а во-вторых, как уединенный и болезненный

аскет»²⁴. Мысль о том, что Гоголь-украинец не понял русской жизни, конкретизировала отрицательные впечатления и эмоции широкой публики. Константин Аксаков передавал Гоголю мнение о *Мертвых душах*, звучавшее в тогдашних салонах: «Гоголь не любит России; посмотрите, как хороша Малороссия и какова Россия; прибавляют: заметьте, что самая природа России не пощажена и погода даже все мокрая и грязная» (176). Поворот Гоголя к изображению России также получал негативную оценку: «Не смею говорить утвердительно, но признаю: “Мертвые души” мне не так нравятся, как я ожидал. Даже как-то скучно читать: все одно и то же; натянуто; видно желание перейти в русские писатели; употребление руссизмов вставочное, не выливается из характера лица, которое их говорит» (158). Даже такой доброжелательный в отношении Гоголя мемуарист, как Сергей Аксаков, не мог удержаться от критики любви Гоголя к Италии:

Нам очень не нравился его отъезд в чужие края, в Италию, которую, как нам казалось, он любил слишком много. [...] нам казалось, что Гоголь недоволен любит Россию, что итальянское небо, свободная жизнь посреди художников разного рода, роскошь климата, поэтические развалины славного прошедшего, все это вместе бросало невыгодную тень на природу нашу и нашу жизнь (121).

Претензия Аксакова относилась именно к тому «другому» в природе Гоголя, который не поддавался сознательным коррекциям ни изнутри, ни извне.

²⁴ Апполон Григорьев, *Сочинения в двух томах*, т. 2, Москва: Художественная литература, 1990, 59.

Таким образом, Гоголь хорошо “знал” свою роль «украинца» – в глазах современников он был и опознавался именно как таковой. Вместе с тем, он не вмещался в эту роль. Много в нем выходило за рамки всех представлений. Любопытны в этом отношении впечатления мемуаристов от первых встреч с писателем. По эффекту удивления они близки реакции на появление *Вечеров на хуторе близ Диканьки*, о которых писали: «Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду неизвестный никому юмор» (396). С. Аксаков вспоминал:

Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу: *нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое*. В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой (89).

Щегольство в сопряжении с плутовством и украинским происхождением выделяло молодого Гоголя в русской интеллигентской среде: «франтик в модном фраке» (99), «явился в голубом фраке с золотыми пуговицами» (243),

в день его именин, 9-го мая, к которому он обыкновенно одевался полетнему, сам изобретая какой-то фантастический наряд. Он надевал обыкновенно яркопестрый галстучек, взбивал высоко свой завитой *кок*, облакался в какой-то белый, чрезвычайно короткий и распашный сюртучок, с высокой талией и буфами на плечах (257).

И в конце жизни писателя современники подмечали какие-то эксцентрические детали его туалета, например, «шарф с фантастическими узорами» (426). Арнольди о 50-х годах:

Гоголь поражал меня своими странностями. Вдруг явится к обеду в ярких желтых панталонах и в жилете светлоглубого, бирюзового цвета; иногда же оденется весь в черное [...], а на другой день, опять без всякой причины, явится в платье ярких цветов, приглаженный, откроет белую, как снег, рубашку, развесит золотую цепь по жилету и весь смотрит каким-то именником. Одевался он вообще без всякого вкуса и, казалось, мало заботился об одежде, а зато в другой раз наденет что-нибудь очень безобразное, а между тем видно, что он много думал, как бы нарядится покрасивее. Знакомые Гоголя уверяли меня, что иногда встречали его в Москве у куаферов и что он завивал свои волосы (480).

Поражавший Арнольди туалет Гоголя соответствовал всему набору странностей, делавших Гоголя «другим» даже на «сцене Украины». В *Воспоминаниях* оказался текст, который объяснил странности Гоголя за счет расширения той же «сцены», – «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года» Петра Анненкова. Своеобразие гоголевской личности Анненков объяснил южной природой писателя:

Природа его имела многие из свойств южных народов, которых он так ценил вообще. Он необычайно дорожил внешним блеском, обилием и разнообразием красок в предметах, пышными, роскошными очертаниями, эффектом в картинах и в природе. [...] Полный звук, ослепительный поэтический образ, мощное, громкое слово, все, исполненное силы и блеска, потрясало его до

глубины сердца. [...] В жизни он был очень целомудрен и трезв, если можно так выразиться, но в представлениях он совершенно сходилась со страстными, внешне великолепными представлениями южных народов (258).

При таком подходе *эксцентричность* Гоголя стала *центром* и сущностью *другого* типа натуры, представленной географическим понятием Юга. Ближайшим Югом для России была Украина, хотя Анненков, скорее всего, имел в виду итальянцев. Согласно Рите Джулиани, в Риме Гоголь «нашел пространство, соразмерное себе, не только родину души, но и родину тела, среду, которую он чисто физически ощущал своей»²⁵. Наблюдая Гоголя в этом пространстве, Анненков смог почувствовать сердцевину натуры писателя. Италия выявила для него того «украинского» Гоголя, которого он встретил впервые в Петербурге и описал под воздействием наблюдений в Риме. Анненков ощущал связь между гоголевскими Италией и Украиной: «Он был влюблен, смею сказать, в свое воззрение на Рим, да тут же действовал отчасти и малороссийский элемент, всегда охотно обращенный к тому, что носит печать стародавнего или его напоминает» (274).

Концепция южной природы позволила Анненкову описать «светлый, практический ум» (258) Гоголя, уловить значение практических соображений в гоголевском самоопределении и указать знаменательную параллель: «Никто тогда не походил более его на итальянских художников XVI века, которые были в одно время гениальными людьми, благородными любящими нату-

²⁵ Джулиани 2005, 99 — 100.

рами и – глубоко практическими умами» (252). Практичностью мемуарист объяснял и умение Гоголя «исчерпывать людей так свободно и легко, как другие живут с ними» (252). Воспоминания Анненкова в новом свете представили такие бытовые подробности облика Гоголя, как, например, его склонность к кулинарному искусству, к рукодельям, к мелким покупкам, его житейские заботы о сестрах, которым «покупал все нужное для их костюма» и имел «претензию, что он во всем знает толк и умеет купить хорошо и дешево» (110). Часто цитируют письмо Гоголя к дяде Петру Косяровскому: «Я знаю кой-какие ремесла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью, работаю на кухне и много кой-чего разумею из поваренного искусства; [...] Итак, хлеб у меня будет всегда» (X, 133). «Хороший портной» показался наружу в воспоминаниях Анненкова:

с приближением лета он начинал выкраивать для себя шейные платки из кисеи и батиста, подпускать жилеты на несколько линий ниже и проч., и занимался этим делом весьма серьезно. Я заставал его перед столом с ножницами и другими портняжными матерьялами, в сильной задумчивости (287).

Александр Жолковский склонен такие эпизоды *Воспоминаний* трактовать как свидетельства отсутствия у Гоголя внут-

реннего ощущения определенности его собственной личности, что в психологическом плане могло быть связано с его двойственным отношением к матери и с подавленным гомосексуализмом²⁶. Однако существовало толкование в совсем другом направлении. Передает С. Аксаков:

После обеда Гоголь долго говорил с Григорием Ивановичем об искусстве вообще: о музыке, живописи, о театре и характере малороссийской поэзии; говорил удивительно хорошо! Все было так ново, свежо и истинно! И какой же вышел результат? Григорий Иванович, этот умный, высоконравственный, просвещенный и доступный пониманию некоторых сторон искусства человек, сказал нам с Верой: что малороссийский народ пустой, что и сам Гоголь точно такой же хохол, каких он представляет в своих повестях, что ему мало одного, что он хочет быть и музыкантом, и живописцем, и начал бранить его за то, что он предался Италии (106).

Странности Гоголя, таким образом, крылись не только в его болезненном характере, но и в его сильной натуре малороссиянина. Поэтому на петербургской и московской «сценах Украины», если еще раз прибегнуть к предложенной Саидом театральной перспективе, он исполнял не только статичную роль репрезентации, но и творческую роль преобразователя амплуа и образа, обогатив их своеобразием своей личности, судьбы и творчества.

²⁶ См.: Жолковский 1994, 73.

UKRAINIETIŠKASIS GOGOLIS

Inga Vidugirytė

Santrauka

Straipsnyje analizuojamas Nikolajaus Gogolio asmenybės ir kūrybos ukrainietiškas aspektas, kuris išryškina jo, kaip dviejų kultūrų paribio žmogaus, savitumą. Analizei pasirinkta memuarinė medžiaga, publikuota leidinyje *Gogolis amžininkų prisiminimuose* (1952). Medžiagos sisteminimui taikomos Edwardo W. Saido veikalė *Orientalizmas* nubrėžtos „kito“ reprezentacijos analizės perspektyvos, visų pirma — idėjos apie reprezentacijos teatrališkumą bei orientalizmo diskursyvumą. XIX a. rusų kultūra

sukūrė Ukrainos diskursą, kuris nulėmė Gogolio asmenybės „perskaitymą“, tapatinant ją su egzistuojančiais stereotipais. Suprantama, kad Gogolis ir pats aktyviai dalyvavo šio diskurso kūrime savo „ukrainietiškomis“ apsakomis bei straipsniais apie Ukrainos istoriją ir tautosaką. Amžininkų prisiminimų analizė leidžia teigti, kad prie šio diskurso kūrimo prisidėjo ir paties rašytojo asmenybė, kurios savitumas išplėtė bei suproblemino ukrainiečio įvaizdį rusų kultūroje.

Получено: 2006, август.

Принято: 2006, август

Адрес автора:
Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии
Universiteto g. 5
LT-01513, Vilnius
E-mail: inga.vidugiryte@flf.vu.lt